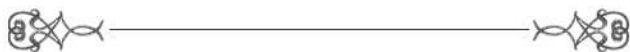

Любовь и тайна

Читайте романы Татьяны Корсаковой

Беги, ведьма
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Утопленница, или Третий ключ
Дом у Чертова озера
Пепел феникса
Невеста, или Волчья кровь
Ночь, или Слеза ангела
Печать василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Дежавю, или Час перед рассветом
Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Избранница, или Судьба № 5
Найденыш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Ева, или Паутина чужих желаний

Т. Корсакова • С. и А. Литвиновы • Ю. Яковлева
• А. Чиж • М. Крамер • В. Введенский • В. Юрьева •
И. Любенко • Е. Неволлина • И. Погонин
• И. Молчанова • А. Гадоль • Ю. Набокова •
Д. Клугер • А. Нури • А. Добров • Ю. Алейникова •

ТРЕПЕТ ЧЕРНЫХ КРЫЛЬЕВ

Сборник
мистических детективных
рассказов

Москва
2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6я43
Т66

Оформление серии *Е. Анисиной*
Иллюстрация на переплете *Е. Черновой*

Т66 **Трепет** черных крыльев : сборник мистических детективных рассказов / Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Любовь и тайна).

ISBN 978-5-04-089120-7

«Она бежала, не разбирая дороги, падая, разбивая в кровь колени, парая лицо и руки о ветки деревьев. Она потеряла башмачки, потом атласный плащ, а ненавистную красную шапочку сорвала с головы сама, зашвырнула в придорожные кусты. ...Она бежала уже не по лесу, а по дороге... а за спиной слышалось страшное рычание, Сказочник гнался за ней верхом на сказочном звере...» — это завязка одной из мистических историй, включенных в книгу «Трепет черных крыльев», в которой собраны рассказы самых известных мастеров остросюжетной литературы Татьяны Корсаковой, Анны и Сергея Литвиновых, Марины Крамер, Антона Чиж, Юлии Яковлевой, Валерия Введенского, Екатерины Неволиной и др. Каждый из авторов представляет свой вариант потрясающей детективной интриги с незабываемой мистической атмосферой и героями, столкнувшимися с необъяснимой тайной и вынужденными бороться за жизнь...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

© Корсакова Т., 2017
© Литвинов С.В., Литвинова А.В., 2017
© Яковлева Ю., 2017
© Крамер М., 2017
© Введенский В., 2017
© Неволина Е., 2017
© Чиж А., 2017
© Молчанова И., 2017
© Любенко И., 2017
© Алейникова Ю., 2017
© Клугер Д., 2017
© Набокова Ю., 2017
© Погонин И., 2017
© Нури А., 2017
© Добров А., 2017
© Гадоль А., 2017
© Юрьева В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089120-7

Татьяна Корсакова

ВРЕМЯ СКАЗОК

Походы к психотерапевту больше не помогали. Наоборот, Алисе начало казаться, что после того, как она вставала с удобной, обтянутой дорогой кожей кушетки и выходила из врачебного кабинета, становилось только хуже.

И таблетки тоже не помогали. То есть помогали поначалу, первые пару месяцев. У Алисы даже получалось заснуть и проснуться без кошмаров. Или кошмары эти были такими глубокими и запрятанными так далеко в глубинах подсознания, что просто не успевали за ночь выбраться наружу? Она давно приучила себя спать мало, урывками, а просыпаться при первом же тревожном звоночке. Вскидывалась в холодном поту, с трепыхающимся в горле сердцем, с придушенным еще во сне криком. Она научилась выживать.

Мастерство свое она отточила до филигранной точности и в дебрях снов ориентировалась едва ли не лучше, чем в реальном мире. Впрочем, в реальном мире выживать она тоже научилась. Кто бы поверил, что вчерашняя детдомовская девчонка — бестолочь, трава придорожная! — не останется при дороге, пыльная и притоптанная чужими равнодушными башмаками, а рванет вверх, к солнцу и лучшей жизни!

А она рванула! Буром перла к своей цели, стиснув зубы, сжав кулаки, орудуя локтями, если те, что были

Татьяна Корсакова

впереди, не желали расступаться. И не потому, что детдомовская и наглая без меры, а потому, что нечего ей было больше бояться. Не было в ее жизни ничего такого, что могло бы остановить, затянуть назад, в прошлое.

Как выживала, как боролась за положенную по закону однушку, как обивала пороги высоких кабинетов, Алиса почти сразу же забыла. Зачем помнить такие мелочи? Зато она запомнила, как въезжала в свою собственную квартиру. Помнила голые стены, немытые окна, застоявшийся воздух и гулкое эхо под потолком. Первым делом она распахнула окна, выпустила внутрь ветер. В качестве подарка на новоселье ветер принес ей рыжий кленовый лист, галантно положил на подоконник, рядом со старинной книгой, еще одним подарком, с которым и хотелось, и не было сил расстаться.

Вторым делом Алиса сварила себе кофе, настоящий, молотый, непростительно дорогой и невероятно вкусный, купленный на последние деньги специально к новоселью. Это был ритуал, сродни шаманскому. Он наполнил квартиру удивительным ароматом, приручил ее окончательно и бесповоротно. А еще он призвал Макса.

Дверь открылась без стука, почти беззвучно, и Алиса замерла, сжала в руке чайную ложку. Ложка могла стать оружием, если ударить в правильное место и с правильной силой. Уж она постарается, коль проявила такую непростительную безалаберность и не заперлась на ключ!

Угроза была нестрашной. Не угроза даже, а так... недоразумение. Высокое, худое, патлатое, в драных джинсах и вытянутой майке.

— Привет! — сказала недоразумение и потянуло носом. — Вкусно пахнет. Угостишь соседа кофе? Кстати, я Макс.

Время сказок

Сосед, значит. Можно было догадаться. Вот хотя бы по тапкам.

— Нет, кстати Макс, не угощу. — Ей не нужно было быть милой и вежливой с незнакомцами. И кофе ей было жалко.

Другой бы ушел, а этот все равно остался, взъерошил и без того лохматые волосы, сказал:

— Я вижу, у тебя тут все по-спартански. — Отвечать Алиса не стала, но ложку отложила. — Мебели, смотрю, нет, и не предвидится.

Откуда он знал про мебель, которой не предвидится? Стало обидно, самую малость. Будет у нее мебель, дайте срок!

— Предлагаю бартер. — Волосы ерошить он перестал, зато почесал тощее пузо. Ужас!

Про бартер стоило выслушать, здравый смысл и деловая жилка выручали Алису не раз.

— Ну? — сказала она и скрестила руки на груди, чтобы тоже ненароком что-нибудь не почесать.

— Ты угощаешь меня своим замечательным кофе, а даю тебе во временное пользование свой не менее замечательный спальник. Да ты не кривись, ты подумай. Спальник отличный, немецкий, прошел со мной огонь и воду.

— Вот это и пугает, что огонь и воду. — Но, если рассуждать трезво, сделка была хорошая. Даже очень! Если спальник окажется грязным, его можно будет попытаться отстирать. Всяко лучше, чем спать на полу. — Сначала покажи! — сказала она.

— *Un momento!* — Сосед Макс усмехнулся и скрылся за дверью, чтобы через пару минут явиться с внушительного вида свертком. — Демонстрирую!

Сверток в мгновение ока трансформировался в спальник, с виду вполне себе чистый, возможно, даже отмывать не придется. А сосед Макс уже улегся

Татьяна Корсакова

сверху, забросил руки за голову, посмотрел на Алису снизу вверх.

— Берешь?

— Не валяйся на моем спальнике!

— Значит, договорились! — Он встал, шагнул к Алисе, протянул руку. — По рукам?

— По рукам. — Алиса не любила прикосновений, но его ладонь оказалась широкой и горячей — уютной.

— Я тут взял на себя смелость... — Из заднего кармана джинсов он достал шоколадку. Шоколад Алиса любила так же сильно, как и кофе.

Соседа Макса она тоже полюбила. Не сразу и не с бухты-баряхты. Им обоим понадобилось время. Ему — меньше, ей — больше. Многим больше. Доверять людям Алиса разучилась еще в одиннадцать, и сейчас приходилось учиться заново.

Макс был айтишником. На момент их первой встречи — молодым, но подающим надежды, а на момент их первой совместно проведенной ночи уже матерым и востребованным. Он мог позволить себе приличную квартиру в центре, но продолжал жить в однушке в спальном районе. Алиса не сразу поняла, что это из-за нее. А когда поняла, все равно не поверила. О ней никогда никто не заботился. То есть заботились, конечно, но формально, для галочки. Был лишь один человек, но вспоминать о нем было так больно и так стыдно, что Алиса заставила себя забыть. Почти забыть...

Ее собственная карьера тоже шла в гору. Она еще училась на журфаке, но уже писала статьи для крупнейших журналов страны. Так уж вышло. То ли повезло, то ли перо ее оказалось правильной остроты, а поднимаемые темы интересными для широкой общественности. Как бы то ни было, но общественность

Время сказок

и начальство к Алисе благоволили, перспективы вырисовывались радужные. А Макс все чаще и чаще стал поговаривать о том, что старость уже не за горами и пора бы начинать вить гнездо или устраивать берлогу. Это уж как Алисе больше понравится.

Ей нравилось и гнездо, и берлога. И перспектива состариться рядом с Максом ей тоже нравилась, но что-то останавливало ее от самого последнего, самого решительного шага. Наверное, страх перед счастьем. Или страх это счастье потерять, если изменить в своей жизни хоть что-то. К примеру, сменить однушку на комфортабельное «гнездо» или не менее комфортабельную «берлогу». Она бы, наверное, рано или поздно решилась, если бы не сны...

...Кричать мешало что-то колючее и пыльное. Да что там кричать — даже дышать выходило через раз. А освободиться от этого колючего и пыльного никак не получалось из-за связанных за спиной рук. Алиса пробовала, но лишь стерла кожу на запястьях в кровь.

Как это с ней случилось, она не знала. Не помнила толком ничего. Помнила лишь, что сбежала с территории, пролезла в дыру в заборе и очутилась на воле. Волю она любила так же сильно, как шоколадные конфеты. А может быть, даже еще сильнее. Оттого, наверное, и сбежала. Убегала недалеко и ненадолго, потому что в свои неполные двенадцать уже отчетливо понимала, что одной на воле ей не выжить, надо немножко подрасти, немножко потерпеть.

Этот детский дом был уже третьим в ее жизни. Третьим и самым мрачным, самым неудобным. Не оттого ли, что был он организован для детей с особенностями?

Про детей с особенностями с придыханием и материнской нежностью в голосе говорила дирек-

Татьяна Корсакова

триса, когда в детдом приезжали проверки или телевидение. В такие дни их всех кормили от пуза, одевали в чистое, малышам выдавали новые игрушки, а для старших даже открывали компьютерный класс. Компьютерным классом директриса особенно гордилась, проверкам и телевидению показывала его в первую очередь. А еще рассказывала, как воспитанникам повезло жить в таком удивительном, пропитанном историей месте. На взгляд Алисы, место это было пропитано лишь сыростью и тоской, но директрисе верили больше, а «детей с особенностями» вообще никогда не спрашивали. Всем казалось, что жить в старинном графском доме, который уже много лет числится в памятниках старины, это в самом деле очень здорово и очень увлекательно. И места вокруг удивительные — тишина, приволье! Сосновый бор подступает к самым стенам, рядом речка, за речкой — дачный поселок. А до ближайшего райцентра всего десять километров. Одним словом, красота!

Места и в самом деле были привольные, и привольем этим Алису к себе манили. Заманили...

Больше всего она любила сидеть у реки. Купаться не пыталась, потому что не умела плавать. Просто сидела, опустив босые ноги в воду, через свернутый в подзорную трубу альбомный лист смотрела на стадо коров, пасущееся на том берегу. Коровы были разноцветные, рыжие, белые, пятнистые. Наблюдать за ними Алисе нравилось, можно было представить, что там, в этом рогатом разноцветье, есть и ее, Алисина, корова. И корову эту она пасет по заданию бабушки. И не беда, что нет у нее ни собственной коровы, ни собственной бабушки. Помечтать ведь можно!

Наверное, Алиса замечталась, потому что не заметила, что на берегу она больше не одна, не почув-

Время сказок

ствовала того, кто встал за ее спиной темной тенью. Встал, больно, до фиолетовых кругов перед глазами стиснул шею, а потом сунул в рот что-то колючее и пыльное. И на голову надел такое же колючее, пахнущее сырой землей и плесенью. Алиса пыталась кричать и брыкаться, но тот, кто явился за ней темной тенью, был сильнее. Ее оторвали от земли, сначала куда-то потащили, потом куда-то повезли. Везли в багажнике вонючей, пахнущей бензином машины. Алиса задыхалась от этой вони, жары и страха и, кажется, окончательно задохнулась, провалилась в спастическую темноту...

— ...Очнись, — сказала темнота тихим шепотом. — Эй, ты меня слышишь?

Открывать глаза было страшно, и если бы не надежда, что все случившееся — это лишь сон или чья-то дурная шутка, Алиса бы, пожалуй, так осталась в безопасной темноте.

— Как тебя зовут? — Шепот был настойчивый, не оставлял в покое.

Алиса открыла глаза, но не увидела ничего кроме темноты.

— Не бойся, сейчас глаза привыкнут.

Глаза привыкли, стоило только зажмуриться, а потом поморгать по-совиному, как окружающий мир начал наконец обретать очертания. Мир был замкнут в четырех стенах, подсвечивался мутно-серым светом, просачивающимся сквозь щели в потолке. Но Алису интересовали не стены и не потолок, а голос.

Девочка сидела на дощатом полу, по-турецки скрестив ноги. Даже в скудном свете длинные волосы ее отливали медью, а на носу виднелась россыпь веснушек. Подол нарядного, в рюшах, платья едва прикрывал колени, и девочка то и дело тянула его вниз, разглаживала несуществующие складки.

Татьяна Корсакова

— Ты кто? — спросила Алиса, разглядывая собственные стертые в кровь, но свободные от пут руки. — Где мы?

— Я Маруся. — Девочка улыбнулась, и в улыбке ее Алисе почудилась жалость. — Мы в погребке под сараем. Теперь это твой дом.

Всю жизнь Алиса мечтала о собственном доме, представляла, каким он будет уютным и светлым...

— Это не мой дом! — Захотелось вдруг вцепиться девочке Марусе в волосы и изо всей силы ударить ее прямо в конопатый нос, чтобы не врала и не пугала. — Это вообще не дом!

— Тише. — Маруся прижала указательный палец к губам. — Не надо кричать, он этого не любит.

— Кто? — Еще недавно ей было жарко и душно, а теперь вдруг стало холодно. — Кто этого не любит? — повторила она уже шепотом.

— Сказочник.— Маруся пересела поближе, снова расправила на коленях свое нарядное платье. — Он любит, чтобы было тихо. Он говорит, что волшебству нужна тишина.

— Сказочник — это тот, кто притащил меня сюда? — Зубы начали выбивать барабанную дробь. Алиса сжала челюсти.

— Не говори так, этого он тоже не любит. Он не притащил, а дал возможность перевоплотиться. Вот так надо говорить, чтобы не злить его. Ты не бойся, я тебя научу. Если его не злить, если попытаться ему понравиться, он разрешит тебе иногда подниматься наверх. Наверху лучше, чем здесь. Не так скучно. — Маруся вздохнула, из складок платья достала гребешок и принялась расчесывать свои удивительные, отливающие золотом волосы.

— Откуда ты знаешь?

Маруся пожала плечами.

Время сказок

— И я все про него знаю. Если ты скажешь, как тебя зовут, я буду тебе помогать.

— Алиса. Меня зовут Алиса. И... спасибо.

Сверху, прямо над их головами, послышались тяжелые шаги.

— Это он. — Маруся спрятала гребешок, проворно отползла в самый дальний, самый темный угол. — Не бойся,— послышался из темноты ее тихий шепот. — И не зли его.

В потолке открылся люк, и в подвале сделалось вдруг нестерпимо ярко. Так ярко, что спускающийся по лестнице человек виделся Алисе лишь черным силуэтом.

— Очнулась? — Его голос был бархатно-ласковый, совсем не злой.

Маруся говорила, что его нельзя злить, а если просто попросить...

— Дяденька, родненький, отпустите меня, пожалуйста! — Алисе и стараться не пришлось, чтобы получилось искренне. Страх сделал все за нее. — Отпустите...

— Тихо, дитя. — Крепкая рука схватила Алису за шиворот, потащила к лестнице. — Не надо меня бояться.

А она боялась! Как можно не бояться человека, у которого вместо лица уродливая маска, который уже сделал тебе больно и наверняка сделает еще больше!

Маруся ошиблась, наверху был не сарай, а что-то похожее на столярную мастерскую. Точно такая же имелась в детском доме, в ней завхоз Митрич ремонтировал сломанную мебель. В этой мастерской тоже была мебель. В дальнем углу на дощатом постаменте стояла деревянная кровать с резным изголовьем. В воздухе остро пахло лаком. Наверное, запах этот шел из стоящей на верстаке жестяной банки.

Татьяна Корсакова

— Сядь сюда, дитя. — Человек без лица толкнул Алису к деревянному стулу с высокой спинкой. — Дай-ка я тебя как следует рассмотрю.

Он присел напротив на корточки. Глаз в прорезях маски было не разглядеть, да она и не хотела их видеть...

— Хорошая девочка. — Шершавый палец прочертил полосу на Алисиной щеке. Почти ласково прочертил. — Ты моя сказочная девочка. Ты же будешь вести себя хорошо?

Она сглотнула колючий ком, кивнула.

— Надеюсь, ты любишь сказки?

Алиса уже и забыла, когда в последний раз ей рассказывали сказки. Наверное, очень давно, когда она была еще совсем маленькой.

— Любишь. Все дети любят сказки. — По голосу было слышно, что он улыбается. Это же ведь хорошо, что он улыбается?! — Вот, к примеру, я очень их люблю. У меня есть книга. Удивительная книга с удивительными картинками. Хочешь взглянуть?

— Хочу. — Она снова кивнула. — Очень хочу.

— Вот и прекрасно! — Определенно, он улыбался под своей страшной маской. И по голове Алису погладил ободрающе, а потом сказал: — Я тебе покажу. Только, чур, руками не трогать! Это очень ценная книга.

Руки ее он примотал к стулу веревкой, а потом придвинул стул к верстаку, на который выложил книгу. Это была очень старая книга, в вытертом переплете, с позолотой на корешке. Названия Алиса прочесть не успела, заметила лишь, что оно не на русском языке.

— Это сказки братьев Гримм. — Человек в маске любовно погладил переплет. — Одно из первых изданий. Уникальная в своем роде вещь. Но тебе все равно этого не понять, поэтому давай смотреть картинки!

Время сказок

Картинки были страшные. Не должно быть таких картинок у детских сказок. И сказок таких неправильных быть не должно. А еще ее, Алисы, не должно быть в этом ужасном месте... Хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть, но она помнила предупреждение Маруси. Сказочника нельзя злить. Значит, нужно смотреть и слушать.

Она все сделала правильно, она вела себя хорошо. Настолько хорошо, что заслужила похвалу, черствый пряник и чашку горячего чая.

— Хорошая девочка, — сказал Сказочник, отвязывая онемевшие Алисины руки от подлокотников. — Скоро ты поймешь, насколько прекрасна моя идея. Придет время, и ты станешь ее частью. А теперь вынужден откланяться, у меня еще много дел.

Как только над головой захлопнулся люк, из полумрака выступила Маруся, уселась рядом, спросила:

— Он показывал тебе картинки?

— Гадость, — сказала Алиса шепотом. — Он ненормальный, да?

— Он называет свои картинки иллюстрациями. — Маруся разгладила складки на своем прекрасном платье, добавила со вздохом: — Я долго запоминала это слово. И долго не понимала, что оно обозначает. Я глупая, да?

— Ты не глупая. — Алиса мотнула головой. — Давно ты здесь?

— Не знаю. Наверное, давно.

Это хорошо, если давно. Для них с Марусей это означает надежду. Когда-нибудь их обязательно найдут. И пускай сама она никому не нужная детдомовка, но у Маруси наверняка есть родители, и они наверняка ее ищут. Им нужно лишь продержаться еще чуть-чуть. День. Может, два... Вдвоем ведь не так страшно.